

***Либерман Савелий Борисович.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННЫХ ГОДАХ

Перед войной мы (папа, мама и я) жили в Ленинграде по адресу 5 Советская д. 11 кв. 17. В мае 1941 г. мама меня увезла в Невель к бабушке и дедушке, а сама вернулась в Ленинград. Я помню, что когда объявили по радио, что началась война, бабушка очень плакала. Дня через 4 по нашей улице пошли отступающие войска, дед с бабой сказали, что они никуда не поедут.

Мы с ребятами бежали за город смотреть первый сбитый наш истребитель. Потом начались бомбардировки в городе, наш дом весь дрожал от взрывов. У нас в огороде вырыли землянку для нескольких семей. Потом приехала мама, и мы решили эвакуироваться. Дед работал в конторе «Заготживсырья», у него была лошадь, так как он ездил за кожами, по всем окрестным селам и хорошо знал все дороги. Мы уезжали из города одними из последних, когда железнодорожные шпалы на переезде уже горели. Мы отступали вместе с уходящими войсками, которые помогали многим людям, в том числе и нам уходить от немцев. Но многие оставались.

Осталась моя троюродная сестра, с которой я играл в детстве. Как я узнал после войны, немцы расстреляли ее родителей, а у нее высосали всю кровь для

своих раненых. Из деревенских, которых дед знал хорошо, уезжали мало, надеялись на воспитанных немцев, за что и поплатились. После войны мы узнали, что за городом на «Голубой даче» было расстреляно много тысяч человек. Были открыты три могилы – для мужчин в лесу, для женщин на поле и для детей.

При отступлении наша телега оказалась между немецкими войсками и нашими, шедшими им навстречу. Это удача, что наши войска подошли раньше немцев. Около одной из деревень мы с дедом отошли от наших на время. Вдруг из заросшей кустарником лощины раздалось «Рус, рус». Мы оглянулись, а там два мужика в нашей форме. Мы с дедом сразу побежали к нашим бойцам и сказали им. Те оцепили лощину, поймали, привели. У них наша форма была одета поверх немецкой.

Наши телеги двигались вместе с колхозным скотом. Немцы с самолетов часто обстреливали нас. Мы с мамой бежали в рожь и падали в нее. Однажды увидели, что пули прошли у матери между ног. Это было заметно по траве.

Мы доехали до города Торопец. Там мы с мамой сели на поезд до Ленинграда. На поезде ехали две недели. Нас бомбили. В поезде горели два соседних вагона. В купе с нами ехали наши дипломаты. Как только объявляли тревогу, они хватали нас, детей, и как котят, по рукам чуть ли не выбрасывали из вагонов.

В Ленинград приехали ночью. Папа был дома. Он думал, что мы погибли в пути. Мама сказала, что она больше никуда не поедет, так как город будут защищать. Я помню, как по Суворовскому проспекту шли колонны гражданских людей, наверно на оборонительные объекты. К нам пришли люди из администрации и сказали, что у вас маленький ребенок и потому нашей семье нужно уезжать из города.

Фронт приблизился близко к городу. Поезда уже не ходили, и мы вынуждены были уехать в эвакуацию водным путем. Мы плыли по водно-балтийскому каналу, и я хорошо запомнил стенки деревянных шлюзов, в которые заводили баржи вместе с буксиром, поднимали при помощи водяных насосов, и, открыв ворота в противоположных стенках, буксировали баржи дальше.

В дороге я заболел дизентерией, и мне давали новое средство – бактериофаг. На Волге в Ярославле нас пересадили на пароход с колесами. Колеса у него были лопастные и очень большие. В дороге отец заболел суставным ревматизмом и чуть не погиб. По ночам я оставался один, а мама уходила дежурить к папе в больницу. Это случилось в г. Каменск-Устье. Когда папа немного оправился, мы поехали дальше на пароходе. Посадка была ужасна. В этой давке и неразберихе мы с мамой чуть не потеряли отца, который и так был очень слаб после болезни. По реке Кама, а потом по Белой реке мы приплыли в город Уфу, где жили очень дальние родственники. Мама сначала устроилась работать в колхоз бухгалтером, а потом работать на кирпичный завод под Уфой. Папа пошел работать на моторный завод в городе Черняховске дороге мы завшивели. С ними пришлось бороться три месяца.

На кирпичном заводе кроме местных женщин работали узбеки в халатах и поволжские немцы. Отношение к немцам было ужасным. Они зимой спали в холодном кирпичном доме на полу. Ходили на работу под конвоем с примкнутыми штыками.

От недоедания у мамы началась цинга. Нас с мамой спасло то, что мы собирали молодую крапиву и картофельные очистки.

Папа домой приходил очень редко. Мы его почти не видели.

В 1942 г. весной нам выделили на косогоре участок земли, где мы посадили и вырастили картошку, огурцы, тыкву, и помидоры. Мальчишки объединялись в группы, чтобы подкарауливать и отнимать еду друг у друга. Для того, чтобы попасть в какую-нибудь группу, нужно было отдать еду, которой у меня и других ребят просто не было. Нас скоро взяли в детский садик, что для таких как я, было спасением от зверств других мальчишек, которые были объединены в группы. В Уфе я окончил два класса школы и летом, в июле 1945г., вернулся обратно в Ленинград.

14.01.2013-27.02.2013